

А. И. Филюшкин

Niendorf, Mathias. Das Großfürstentum Litauen: Studien zur Nationsbildung in der Frühen Neuzeit (1569-1795). — Wiesbaden: Harrassowitz, 2006. 330 s. (Veröffentlichungen des Nordost-Instituts. Bd. 3). — ISBN 13: 978-3-447-05369-3

Национальная история Литвы — это прежде всего средневековая история. В новое время она растворяется в западных окраинах Российской империи, и является частью российской имперской истории. В XX веке периоды литовской независимости слишком коротки, чтобы составить настоящую эпоху. Поэтому рассказ о литовской государственности в новейшее время, по сути, сводится к трагическому мартирологу жертв, сопровождавших утрату этой государственности и борьбу за национальное самоопределение.

Зато средневековье — великолепное поле для историка Литвы. Здесь все, что нужно для культивирования национальной историографии: этногенетические легенды, войны и мятежи, герои и предатели, трагические эпизоды и счастливые развязки, драматические сюжеты и поучительные истории. Здесь есть где развернуться и в пространстве, и во времени. Держава занимала почти всю Восточную Европу. Площадь ВКЛ в сер. XVI в. составляла около 550 тыс. км². Это было больше Франции (450 тыс. км²) и владений Габсбургов в составе Священной Римской империи (410 тыс. км²), но меньше Испании, европейских владений Османской империи, Московии¹. Хронология существования средневековой Литвы охватывает половину тысячелетия, если брать только период, обеспеченный письменными источниками, охватывает с 1009 года (первое упоминание Литвы) до 1569 года (Люблинская уния и слияние с Речью Посполитой).

Тем интереснее попытка немецкого историка Матиаса Ниендорфа отыскать корни литовского нацистроительства в «безвременье» литовской истории. Это период с 1569 по 1795 год; время, когда Великое княжество Литовское после

¹ *Бобышев В.* Международное положение и внешняя политика Великого княжества Литовского накануне и в начале Ливонской войны // Старонкі гісторыі і культуры Беларусі. Минск, 1997. С.44.

Люблинской унии 1569 года не сразу, но неуклонно и неотвратно растворялось в Речи Посполитой. Краткий всплеск торжества Великого княжества Литовского имел место в конце Ливонской войны, при Стефане Батории, когда был возвращен Полоцк (1579), литовские войска впервые дошли до Волги (1580), в Прибалтике на несколько десятилетий установилось польско-литовское владычество.

Но затем начался неудержимый закат. В начале XVII в. Речь Посполитую вытесняют из Прибалтики шведы. В истории «Республики обоих народов» в середине XVII столетия на первый план выходит мятежная Украина, бывшая южная окраина Великого княжества Литовского, ставшая «субъектом истории» региона. Литва в последний раз пыталась сыграть в собственную крупную политическую игру, поддержав Швецию во время польского «Потопа». Однако Кейданайская уния Литвы и Швеции (1655) привела только к краху правящих в Вильно Радзивиллов (С. 51). После этого Литва совершенно растворяется в Речи Посполитой, а на политической арене стремительно провинциализируется и замещается Польшей. Данный «кризис XVII столетия» сопровождался демографическим спадом: если в эпоху Люблинской унии население ВКЛ насчитывало около 4 млн. человек, то около 1650 г. оно составляло всего 4,5 млн, а в 1670-х гг. — уже 2,8 млн. В 1717 г. на бывшей территории ВКЛ проживало 1,8 млн, правда, к 1790 г. их число возросло до 3,6 млн (С. 52). К 1795 г. синонимом «Трех разделов Речи Посполитой» было выражение «Три раздела Польши», но не «Три раздела Литвы».

Ниендорф это прекрасно понимает, обозначая данные 200 лет как некую «цезуру» в литовской истории, слабо освещенную в литуанистической историографии (С. 11). Вслед за своими предшественниками он замечает, что *nation lituanica* существовала уже в средневековье (Е. Охмаński относил ее образование к XIII–XIV вв.)², и процесс ее формирования был тесно связан со становлением шляхты как особого «политического народа», порожденного политическим и культурным единством шляхты как социально-экономической общности (С. 10, 14). Однако, как верно замечает Ниендорф, процесс становления наций из этносов, проживавших в ВКЛ, был неизбежно связан с дезинтеграционными процессами государственности Великого княжества (С. 10). А эти дезинтеграционные процессы ярко проявились, продолжим мысль немецкого ученого, как раз в литовском «безвременье», в XVII–XVIII веках. Правда, их истоки лежат, как это ни парадоксально, в интеграционных процессах, а именно в польско-литовских спорах при заключении уний XIV–XVI вв., в ходе которых литовцы пытались осмыслить, кто они и в чем отличаются от поляков (С. 39). Другим фактором, способствовавшим формированию национального самосознания, Ниендорф вслед за Альфредасом Бумблаускасом считает усвоение Литвой в XVIII в. европейской культуры барокко. Заслуга последней в привнесении в Литву европейского сознания и европейской терминологии, в том числе в области представлений о народе, нации, монархии и т. д.

Таким образом, Ниендорф ставит вопрос о цезуре в литовском нациестроительстве — цезуре между средневековой нацией и нацией нового времени (С. 42, 44, 50).

Обращаясь к средневековым аспектам формирования *nation lituanica*, Ниендорф традиционно акцентирует внимание на формуле «*Poloniae et Lithwaniae nationum*»

² Ochmański J. Historia Litwy. Wrocław, 1990. S. 66.

в актах польско-литовских уний (Кревской 1385 г. и Люблинской 1569 года, С. 22; см. также С. 33 об унии 1401 года), а также на великокняжеской титулатуре «*dux magnus Litwanorum, Rusiaequae dominis et heres naturalis*» (С. 25). Обращаться к этим клаузулам, конечно, необходимо, однако надо заметить, что данными официальными актами (а также редкими ссылками на летописи), собственно, и исчерпывается круг источников, использованных ученым применительно к данной проблеме.

Понятно, что средневековые истоки литовского *Nationsbildung* не являются темой книги Ниендорфа, но опорой только на избранную историографию вопроса автор в определенной степени обеднил и упростил данный раздел своей книги. Вряд ли унийных и коронных актов достаточно, чтобы раскрыть данную проблему. Здесь необходим прежде всего частный акт и нарратив³, а ссылок на данные тексты в первом разделе рецензируемой монографии нет. Отсюда, возможно, и определенная ограниченность книги в освещении процесса *Nationsbildung* в литовском средневековье. Ниендорф сосредоточился на описании политических процессов литовского этногенеза — при этом за рамками исследования остались социальные процессы (если не считать нескольких экскурсов в историю конституирования «политического народа» шляхты, впрочем, весьма эскизных). Наверное, в книге по нациестроительству нельзя обойтись без краткого очерка истории литовских уний (С. 39 и след.), Статута 1588 г. (С. 45–46), Виленских соглашений о Ливонии 1561 г. (С. 45) и т. д. Но ведь вовсе не очевидно, что эти исторические акты непосредственно влияли на формирование литовской нации. Влияло их осмысление, осознание, порожденные данными актами культурные, политические и юридические практики. А вот о них в книге говорится вскользь. Нам представляется, что без анализа данных практик любое исследование по литовскому нациестроительству будет неполным.

В качестве источников по изучению протонациональных дискурсов Ниендорф обращается к нарративу XVI в. — сочинениям Мацея Стрыйковского, Александра Гваньини, Альберта Кояловича и др. (С. 56 и след.). Вопрос о том, в какой мере правомерно использовать нарратив для реконструкции ментальной стороны процесса нациестроительства, достаточно сложен.

Справедливо поставив вопрос о роли и месте в процессе нациестроительства религиозного аспекта, Ниендорф приходит к выводу о том, что конституирование идеи *nation lituanica* в начале XVI века оно шло «сверху», от светской власти. Церковь, по Ниендорфу, не играла особой роли в этом процессе (С. 38). Возможно, в этом заключалось принципиальное отличие модели развития ВКЛ от России: в последней идея православного единства была основообразующей в конструировании народа «всёя Руси», «Нового Израиля», «православного христианства», в XV–XVI вв. отождествлявшихся в понятием «русского народа». В ВКЛ с его религиозным плюрализмом это было невозможно, поэтому на первый план выходил светский, и прежде всего политический аспект. Отсюда и более высокое развитие политической культуры в ВКЛ XV–XVI вв., в отличие от Московии, в котором представления о политике как таковой в эту эпоху были весьма специфическими⁴.

³ Ср.: Марзалюк І. А. Людзі дауняй Беларусі: Этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.). Магілёў, 2003.

⁴ Крам М. М. Была ли политика в России XVI в.? // Одиссей: Человек в истории. 2005. М., 2005. 04: 56303.

Описав в традиционном для литуанистической историографии ключе взаимоотношения общества и государства в ВКЛ (С. 26, 28, 46–47), дальше Ниендорф сосредотачивается на анализе формирования местных административных структур Великого княжества (С. 27, 29, 48). Данный прием представляется заслуживающим внимания. При изучении этногенетических явлений ученые часто сосредотачиваются или на сугубо этнографических аспектах, или — на этнонациональной политике власти (например, русификация, полонизация и т. д.). Между тем, в средневековье для абсолютного большинства населения именно местная власть была второй институцией (первой являлась церковь), которая вводила человека в определенное политическое, правовое и культурное поле, то есть задавала вектор его (само)идентификации, в том числе и этнической.

Ниендорф, как и его предшественники, уделяет внимание формированию шляхты как «политической нации» Великого княжества Литовского (С. 30–32). Но при этом он подчеркивает необходимость различения чувств этнической и политической принадлежности (*Staatsbewusstsein*), хотя они нередко и сближались (С. 34). В источниках понятие *natio Lithwaniae* начинает активно фигурировать с начала XVI в. (С. 38), что, безусловно, связано со становлением шляхетского сейма Великого княжества Литовского (о чем Ниендорф не упоминает). Он упорно связывает нациестроительство с состоянием государства — говорит об исходном толчке по созданию литовской нации при Витовте, о влиянии Московии как иерархизированного государства на выбор модели развития более молодым литовским государством, о решающей роли Польши в XVI столетии и т. д. (С. 38–39). При этом о складывании нации в начальном варианте, по Ниендорфу, уже можно говорить к 1569 г., что ярко проявилось в дискуссиях вокруг Люблинской унии (С. 40).

Именно в политической активности литовской шляхты Ниендорф видит путь вызревания в ней национального самосознания. Он обращает внимание, что в 1648–1696 гг. 30 % высоких государственных должностей занимали представители всего пяти магнатских фамилий (лидерами были Радзивиллы, Сапег и Пацы). Для сравнения, в Польше это было 13% должностей (С. 49). Попытка союза со Швецией Яна Радзивилла Ниендорфу видится поиском модели «альтернативного от Польши развития» (С. 51). Все эти факторы также играли роль в литовском нациестроительстве.

В целом книга М. Ниендорфа заслуживает высоких оценок и заняла заметное место среди трудов по изучению литовского этногенеза.

Данные о статье:

Статья подготовлена по проекту Темплана СПбГУ, Мероприятие 2, проект: «Россия и Балтийский мир в средние века и раннее новое время», шифр в ИАС 5.38.62.2011.

Автор: Филюшкин Александр Ильич, доктор исторических наук, Россия, Санкт-Петербург, заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран Санкт-Петербургского государственного университета, ilich_fil@mail.ru

Резюме: рецензия на книгу немецкого историка Матиаса Ниендорфа «Das Großfürstentum Litauen: Studien zur Nationsbildung in der Frühen Neuzeit (1569-1795)» (Wiesbaden: Harrassowitz, 2006), посвященную проблемам этногенеза Великого княжества Литовского.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, история Литвы, этногенез, нациестроительство

Литература, использованная в статье:

Niendorf, Mathias. Das Großfürstentum Litauen: Studien zur Nationsbildung in der Frühen Neuzeit (1569–1795). Wiesbaden: Harrassowitz, 2006. 330 S.

Ochmański, Jerzy. Historia Litwy. Wrocław: Wydawnictwo im. Ossolinskich, 1990. 395 s.

Бобышев, Валерий Иванович. Международное положение и внешняя политика Великого княжества Литовского накануне и в начале Ливонской войны // Старонкі гісторыі і культуры Беларусі: 36. арт. / Пад навук. рэд. Аляксандра Генадзьевіча .Каханоўскага. Мінск: Выд. ТАА «Красіка-прынт», 1997. С. 44–56.

Кром, Михаил Маркович. Была ли политика в России XVI в.? // Одиссей: Человек в истории. 2005. Москва, 2005. С. 283–303.

Марзалюк, Ігар Аляксандравіч Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVIII стст.): Магілёў: МДУ, 2003. 321 с.

Information about the article

The authors acknowledge Saint-Petersburg State University for a research grant № 5.38.62.2011.

Author: Filjushkin Alexander Ilich, Doctor of Historical science, Russia, St.-Petersburg, Head of the Department of Slavic and Balkan Studies of St.-Petersburg state University. ilich_fil@mail.ru

Abstract: the review of the book of German historian Matias Niendorf (Das Großfürstentum Litauen: Studien zur Nationsbildung in der Frühen Neuzeit (1569–1795). Wiesbaden: Harrassowitz, 2006). The monograph is devoted to the problems of ethnogenesis and nation building of Lithuanian nation during the period of the Grand Duchy of Lithuania.

Key words: Grand Duchy of Lithuania, History of Lithuania, ethnogenesis, the building of nations.

References (Transliteration):

Niendorf, Mathias. Das Großfürstentum Litauen: Studien zur Nationsbildung in der Frühen Neuzeit (1569–1795). Wiesbaden: Harrassowitz, 2006. 330 S.

Ochmański, Jerzy. Historia Litwy. Wrocław: Wydawnictwo im. Ossolinskich, 1990. 395 s.

Bobyshev, Valerij Ivanovich. Mezhdunarodnaya polozhenie i vneshnyaya politika Velikogo knyazhestva Litovskogo Nakanune i v nachale Livonskoi vojny // Stranitsy istorii i kul'tury Belarusi: Sb. statej / Pod nauk. red. Aleksandra Gennad'evicha Kohanovskogo. Minsk: izd. TAA "Krasika-print", 1997 . S. 44–56.

Krom, Mihail Markovich. Byla li politika v Rossii 16 veka? // Odisej: Chelovek v istorii. 2005 . Moskva, 2005. S. 283–303.

Marzalyuk, Igor' Aleksandrovich. Lyudi davney Belarusi: etnakanfesijnnyya i sotsiokul'turnye steryeotypy (10–18 stoletiya): Mogilev: MGU, 2003. 321 s.

The authors acknowledge Saint-Petersburg State University for a research grant № 5.38.62.2011.